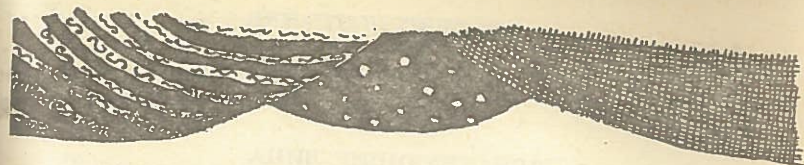
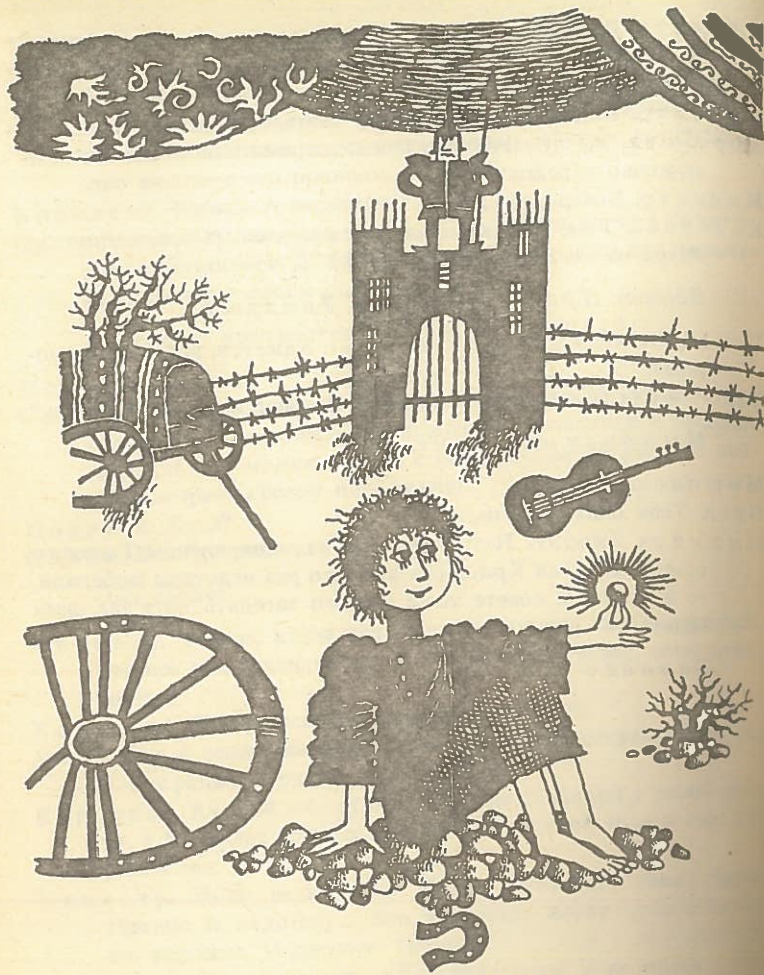

Лев Устинов
Сказочный театр

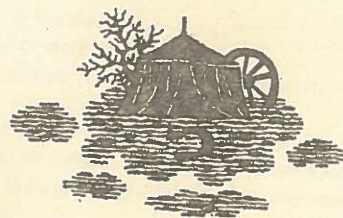
Лев
Устинов
Сказочный
театр

Цыганская сказка

В двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

БАРОН.
МАЛЬЧИШКА.
СТАРИК.
МАТЬ.
ПАРЕНЬ С ГИТАРОЙ.
ДЕВУШКА СО СКРИПКОЙ.
ДИПЛОМАТКА.
ТРЕХГЛАЗЫЙ.
КОРОЛЕВА ОБЛАКОВ.

© Издательство «Советский писатель», 1985 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Окруженные тяжелыми крепостными стенами, на голой, без единого деревца площади стоят три цыганских шатра. На левой стене железный балкон с дверью, ведущей из ниши. Правой стены нет. Быть может, она далеко-далеко. И, быть может, туда, до самой дальней стены, тянется еще много шатров... По задней стене мрачным силуэтом вышаживает ча с о в о й, а сквозь стенки трех ближних шатров еле просачивается тусклый, невеселый свет.

В шатре, где живет Старик, осторожно зазвучала гитара, и сразу же со стены сорвался окрик часового:

«За попытку к побегу — смерть!»

Звук гитары резко оборвался. Видно, струна лопнула. И ее замирающий, перепуганный всплеск медленно-медленно уплыл в бесконечную серую темноту.

Но тут же в шатре, где живут Парень и Девушка, возникла тихая песня.

И снова крик часового:

«За попытку к побегу — смерть!»

И песня оборвалась, исчезла, словно этот окрик убил ее, как выстрелом, наповал.

А в третьем шатре, где живут Мальчишка и Мать, вдруг вспыхнула было дробь цыганского перепляса, но и ее смяла, как волной, летящая из века в век равнодушная присказка всех часовых:

«За попытку к побегу — смерть!»

М а л ь ч и ш к а выглядывает из своего шатра и ползком пробирается к шатру Старика.

М а л ь ч и ш к а. Деда, ты не спишь?

В ы х о д и т С т а р и к.

Старик. Нет. А у тебя опять какая-нибудь идея? Ну, выкладывай, что ты там еще придумал? *(Ласково проводит рукой по его голове.)*

Мальчишка *(как собачонка от воды, обиженно отряхивается от ласки)*. И ничего я не придумал... Только не нравится мне все это.

Старик. Что не нравится?

Мальчишка. Тут что-то не так...

Старик. Что — не так?

Мальчишка. Они что-то готовят.

Старик. Что?

Мальчишка. Этой ночью на стене появился новый охранник.

Старик. Среди этих стен сменилось тридцать поколений цыган. А охранников сменилось еще больше.

Мальчишка. А зачем Дипломатка заранее предупредила нас о прибытии Барона?

Шаги часового. Они прижимаются к земле. Голос со стены: «За попытку к побегу — смерть!» Шаги удаляются.

Старик. Она хочет, чтобы мы к прилету Барона выстирали и и заштопали свои драные шатры.

Мальчишка. А почему Барон прилетает на пять дней раньше, чем всегда?

Старик. Ведь это Барон захватил наше племя много веков назад. Барон — нас, а не мы — Барона. Поэтому он прилетает не тогда, когда хотим мы, а тогда, когда хочет он.

Мальчишка. Нет, нет! Чует мое сердце — они что-то задумали... У меня оставался кусок зеленой глины, и я вымазал ею две полоски на той и этой стене.

Старик. Зачем?

Мальчишка. У меня есть зеленый костюм. Зеленое на зеленом...

Старик. Будь осторожен. Если ты попадешься — я не поручусь за кожу на твоей спине... Смотри, уже начинается рассвет... Скоро взойдет солнце... *(Громко.)* Сейчас взойдет солнце!

Из своих шатров выходят Мать, Парень с гитарой и Девушка со скрипкой.

Мать. И снова нечем будет дышать от жары. Проклятое солнце! Третий год ни единого облачка.

Старик. Солнце всегда несет людям свет и надежду.

Парень. Надежду на что?

Старик. Послушайте, какой смешной звук я изобрел на басовой струне... *(Хватает гитару.)* Может быть, этот звук сегодня все-таки рассмешит Барона.

Парень. Мы надеемся на это вот уже скоро тысячу лет. Наша надежда стала дряхлой старухой. Она давно состарилась.

Старик. Состарились те надежды, которые умерли молодыми. А надежда, которая живет так долго, всегда остается молодой.

Девушка. Моя мать тоже когда-то была молодой. И бабка. И прабабка... Еще одно солнце еще одного дня. Все приходит и уходит — остаются только эти неприступные стены и тяжелые плечи охранников.

Мальчишка *(восторженно)*. Однажды оно взойдет, но мы его не увидим!

Парень. Потому что смерть унесет нас из этого замка.

Мальчишка. Нет, совсем не потому... Просто все небо будет в густых облаках. *(Поднимает над головой стеклянный шарик.)* Когда-нибудь я все-таки создам эти облака!

Парень. И ты надеешься на то, что эта тусклая стекляшка...

Старик *(останавливает его)*. Не надо... Пусть он верит в это. Пусть хотя бы один из нас во что-то верит.

Издалека пучками света над замком проносятся яркие всполохи. Трехглазый и Дипломатка выбегают на сцену.

Трехглазый. Летит?

Дипломатка *(гордо)*. С нашего хозяйства облет начинается.

Трехглазый. И много у него таких замков?

Дипломатка. На ста пальцах не пересчитать.

Трехглазый *(присвистнул)*. Как же он всех посетить успеет?

Дипломатка. А в бочке. Он из замка в замок в бочке с водой перелетает. Зимой — в теплой воде, а летом — в прохладной.

(Цыганам.) Эй, вы! Объявляется танец с метлами. Быстро!

Цыгане выносят из шатров метлы, поют веселую песню и подметают площадь.

Дипломатка. Хватит! А то пыль не успеет осесть. (Трехглазому.) Наш Барон чистоту любит — это первое дело. Чтоб нигде не пятнышка!

Трехглазый. А почему тебя зовут Дипломаткой?

Дипломатка. Я всю жизнь работаю стражницей, и за всю жизнь я не убила ни одного человека.

Трехглазый. Как же тебе это удалось?

Дипломатка. Я умею вести переговоры с теми, кого охраняю. После моих переговоров они долго дрожат от страха.

Солнце заливает площадь. Мальчишка выносит блюдечко с водой и располагается над ним со стеклянным шариком в руке.

Трехглазый. Что это он делает?

Дипломатка. Греет воду.

Трехглазый. Зачем?

Дипломатка. Чтобы вода испарялась.

Трехглазый. Зачем?

Дипломатка. Он надеется, что там, на небе, она превратится в облака.

Трехглазый. Зачем ему облака?

Дипломатка. У него больная мать. Когда солнце печет очень сильно — ей трудно дышать.

Трехглазый. У моего прежнего барона все надежды были заперщены.

Дипломатка. У нас разрешены.

Трехглазый. А это не опасно?

Дипломатка. Нет. Просто я давно объяснила им, что они никогда не должны надеяться на свободу. А на все остальное — пожалуйста, сколько угодно.

Трехглазый. Тебе поверили?

Дипломатка. Как видишь, они все еще здесь... (Кричит.) Вижу бочку!

Сверканье усиливается. Цыгане выбегают из своих шатров и выстраиваются на площади.

Трехглазый (испуганно). Он падает?
Дипломатка. Нет, идет на посадку.

За стеной раздается звон и треск.

Смирно!

Через дверь в нише входит Барон. Это на вид совсем еще молодой человек. Его можно было бы даже назвать безусым юнцом, если бы не длинная седая борода, обмотанная, как шарф, вокруг шеи. Во время торжественных выходов охранники несут ее впереди Барона. Власть его настолько велика, что он никогда ничего не приказывает, а только дает советы. Но капризничает и любопытничает при этом, как единственный ребенок в очень богатой семье или как очень богатый старик, от которого целиком зависит материальное будущее его многочисленных неимущих детей.

С прибытием вас, ваше летающее величество!

Цыгане по знаку Дипломатки склоняются в глубоком поклоне.

Как прошел полет?

Барон. Мои владения все время увеличиваются, и, чтобы окинуть их единым взглядом, с каждым разом приходится подниматься все выше и выше. А там, наверху, такая холодища!

Дипломатка. Это ужасно!

Барон. Но вода в моей бочке была настолько теплой, что я по дороге не только согрелся, но даже и хорошо помылся.

Дипломатка. Поздравляю вас, ваше чистоплотное величество!

Барон. А что здесь? Только не говорите мне ничего плохого. Терпеть не могу всяких неприятностей.

Дипломатка (сияет). Мы бы и рады доложить, да нечего. Везде полный порядок. (Показывает на склонившихся цыган.)

Барон. Вижу. Посоветуйте им разойтись по своим шатрам.

Дипломатка (дает отмашку рукой). Брысь!

Цыгане разбегаются по своим шатрам, а Мальчишка, который вышел на встречу с Бароном в зеленом костюме, прижимается к стене.

- Барон. Советую вам доложить обстановку.
Дипломатка (*понижив голос*). Сегодня наш радостный триста шестьдесят шестой день.
Барон. Они знают?
Дипломатка. Думаю, что нет.
Барон. Догадываются?
Дипломатка. Вряд ли.
Барон. Чепе не предвидится?
Дипломатка. Исключено.
Барон (*зевает*). Скучота... А ведь у меня завтра день рождения.
Дипломатка. Как же, знаем, готовимся. Тысяча сто двадцать семь лет! Круглая, можно сказать, дата. И подарочек вам неплохой будет — новое вечное рабство.
Барон. Лучше бы они меня рассмешили.
Дипломатка. За это, ваше рабское величество, поручиться не могу. Они бездарны как пробки.
Барон. Если они меня рассмешат — я величайшую тайну узнаю. Мне этот секрет моя сестра, колдунья, открыла.
Дипломатка. Давно?
Барон. Да нет, лет сто назад, не больше. Вот дура! Сказала бы на тыщонку лет раньше... (*Вздыхает.*) А теперь, видно, поздно уже переучиваться.
Дипломатка. Да вы только прикажите! Мы вам на допросе любую тайну узнаем. С применением, конечно.
Барон. А вдруг это тайна бессмертия?
Дипломатка. Тот, кто прожил больше тысячи лет, бессмертен по сравнению с тем, кто умер в сто с небольшим...
Барон. Даже самая длинная жизнь перед лицом смерти превращается в краткий миг.
Дипломатка. Но зато вы не плететесь сквозь этот миг в рваных сандалиях по пыльной дороге. Вас несут на руках ваши бесчисленные рабы.

- Барон. Рабы есть у многих, а бессмертия нет ни у кого... Надеюсь, вы посоветовали им постараться меня рассмешить?
Дипломатка. Репетируют день и ночь. Ради свободы они готовы на все.

Голос Матери из шатра: «День еще не начался, а уже трудно дышать. Особенно здесь, в шатре. Почему они нас не выпускают на площадь?»

Голос Старика: «Потерпи. Нам осталось терпеть не так уж много».

- Барон (*заметил Трехглазого*). А это кто?
Дипломатка. Новый охранник. Дорого запросил за работу, но ведь и для дорогого дела нанят.
Барон. Недостатки?
Дипломатка. Немного горяч.
Барон. Посоветуйте ему днем меньше бывать на солнце. Ночевать в холодном погребу.
Дипломатка. Слушаюсь!
Барон. Еще?
Дипломатка. Пожалуй, слишком жесток. Его хлебом не корми — только дай ему пристукнуть кого-нибудь.
Барон. Принесите ему в погреб перину. Пусть смягчается по ночам.
Дипломатка. Будет сделано.
Барон. А то еще убьет кого-нибудь сгоряча.
Дипломатка. До завтра дотерпит. А завтра...
Барон. Знаю. Помню. Верю.
Дипломатка. Пожалуй, все.
Барон. А достоинства?
Дипломатка. Глуп, предан, хороший нюх, хороший слух, а видит так, что у него на прежней работе особая кличка была — Трехглазый.
Барон. Как это — трехглазый?
Дипломатка. Говорят, он не только вперед, но и сзади все видит. Да так, будто у него на затылке третий глаз есть.
Барон. «Третий глаз»?.. Это было бы смешно!.. Это было бы очень

смешно увидеть! *(Напевает.)* А у нас, а у нас появился третий глаз!.. Скорей же, скорей покажите. Ну, покажите мне этот третий глаз на затылке. Неужели я наконец-то развеселюсь?

Д и п л о м а т к а. Ах, ваше невеселое величество, вы меня не совсем поняли. Это всего лишь как будто бы третий глаз. Наши мудрейшие жрецы объясняют это явление...

Б а р о н *(отмахивается от нее)*. Скучно... Опять все скучно.

Д и п л о м а т к а. Ах, ваше невеселое величество! Неужели вы ни разу в жизни не смеялись?

Б а р о н. Я родился сразу очень сообразительным ребенком и на третий день после своего рождения понял, что в этом мире нечему радоваться, что все здесь печально, грустно и мерзко и нет ничего достойного веселья, а тем более смеха. Если все на земле рождается, чтобы потом умереть, то, значит, люди — это всего лишь временно живые покойники. *(Вдруг закапризничал.)* Ну пусть, ну пусть... Ну пусть они развеселят меня!.. *(Показал рукой на шатры.)* Они такие смешные...

Д и п л о м а т к а. Мне они кажутся опасными.

Б а р о н *(упрямо)*. А мне — смешными... Они все время суетятся, что-то делают, что-то хотят, о чем-то думают, из-за чего-то страдают... И даже не знают, что все тлен, все напрасно, что в мире нет ни добра, ни зла, есть только нелепость. Весь мир — это соединение нелепостей. Взаимная любовь двух нелепостей. А может быть, трех... Или четырех... А они надеются... *(Высокомерно.)* Смешные люди!.. *(Презрительно.)* Ничтожные, смешные люди... *(Злобно.)* Ну, так пусть они рассмешат меня! И горе им, если не рассмешат!

Д и п л о м а т к а. Горе им, горе! Но только завтра. *(Злобным шепотом.)* Завтра, завтра... Завтра мы со всеми сведем свои счеты. С теми, кто зубоскалил, с теми, кто острил, с теми, кто смеялся над нами. Даже ухмылочки, даже улыбочки вспомним.

Б а р о н. До завтра еще далеко.

Д и п л о м а т к а. Всего один день. К тому же у нас все предусмотрено.

Т р е х г л а з ы й *(протяжно кричит)*. За попытку к побегу — смерть!

Д и п л о м а т к а. Хотите ему что-нибудь посоветовать?

Б а р о н. Потом. Потом. *(Вдруг хватается за голову, стонет.)* Голова... Голова... Как будто в нее гвоздь забили...

Д и п л о м а т к а. Ах, ваше болезненное величество! Что прикажете — таблетку или клещи?

Б а р о н *(чуть не плача)*. Пакость!.. Только какая-нибудь пакость избавит меня от этой боли!

Д и п л о м а т к а. Кому пакость?

Б а р о н *(раскачивается от боли)*. Все равно кому — лишь бы пакость.

Д и п л о м а т к а. Какую именно пакость хотелось бы господину Барону?

Б а р о н *(сердито)*. Все равно какую — лишь бы была пакость! И совету вам немедленно мне что-нибудь посоветовать.

Д и п л о м а т к а. Можно пропуск на ниточке... Только к нему кто-нибудь руку протянет, только подумает, что свобода у него в руках, а мы — раз! — и пропуск снова у нас.

Б а р о н. Пропуск — это годится.

Д и п л о м а т к а *(достает из кармана кусок картона)*. Эй, Трехглазый, у тебя нитки есть?

Т р е х г л а з ы й. Так точно. Есть.

Д и п л о м а т к а. Неси сюда.

Трехглазый приносит нитки на балкон.

Дипломатка бросает пропуск на площадь.

М а л ь ч и ш к а *(отделяется от стены, оглядывается по сторонам и осторожно крадется к кусочку картона)*. Пропуск... Пропуск на выход из замка... Я отдам его матери, и она уедет на север, в прекрасные прохладные страны, где всегда легко дышится, потому что там живут свободные люди, над головами которых всегда плывут свободные облака... *(Протягивает руку к пропуску, хочет его схватить.)*

Но в этот момент пропуск взлетает в воздух и возвращается на балкон. Мальчишка падает на землю, бьет кулаками по земле и горько всхлипывает от обиды. Трехглазый громко хохочет.

Барон. Стоп! Все! Гвоздь выскочил!.. Теперь можно и позавтракать. Я проголодался, как сто чертей, на диете.
Дипломатка (*распахивает дверь*). Прошу вас, ваше чертовски голодное величество! (*Цыганам.*) Эй, вы! Можете репетировать.

Барон и Дипломатка уходят.

Мальчишка (*бросается к шатру Старика*). Деда! Деда!

Старик (*выходит*). Что, мой мальчик?

Мальчишка. Деда, я подслушивал их. Вон там, у стены...

Старик (*чуть насмешливо*). Что же ты услышал, малыш?

Мальчишка. Они непрерывно называли две цифры: девятьсот девяносто девять и триста шестьдесят шесть. Выходит, завтра будет какой-то особенный день! А значит, сегодня тоже не такой уж и простой...

Старик (*с тревогой*). «Девятьсот девяносто девять»... И «триста шестьдесят шесть»... (*Прикрыл глаза ладонью и отвернулся.*)

Мальчишка. Почему ты отвернулся? Ты чего-то знаешь и не хочешь мне говорить?

Старик (*поворачивается, и лицо его полно глубокой скорби*). Я догадывался... Но я не думал, что это уже завтра... Я надеялся, что не доживу до этого дня...

Мальчишка (*поражен своей догадкой*). Значит, сегодня — последний срок?

Старик. Боюсь, что да.

Мальчишка. И завтра наше племя станет навеки племенем рабов?

Старик (*вздыхает*). Похоже на то, мой мальчик.

Мальчишка (*с маленькой надеждой*). А если завтра или послезавтра какой-нибудь смелый и добрый рыцарь сумеет победить нашего Барона?

Старик. Но он уже не сможет победить нас самих. Тысячелетнее рабство, как неизлечимая болезнь, навсегда останется в людях нашего племени.

Мальчишка (*горестно*). Ты знал — и ты молчал?

Старик (*вздыхнув*). Я учил вас весело петь веселые песни. Мальчишка. Зачем?

Старик. Все-таки веселый раб ценится чуть-чуть дороже, чем печальный.

Мальчишка. И, значит, его дольше будут держать в рабстве.

Старик. Но и чуточку больше беречь... Там, где печальный обидится, — веселый простит, и, когда печальный отчаится, — веселый еще не потеряет надежду. Печального не обрадует и восход солнца, а веселый улыбнется и закату. Веселому легче жить.

Мальчишка. Для чего?

Старик. Чтобы ждать... На свете нет ничего такого, что не имело бы конца.

Мальчишка (*с иронией*). Когда же он будет, этот конец?

Старик. Когда появится новое начало.

Мальчишка. И когда оно появится?

Старик. Это никому не известно, но зато известно, что увидит его приход только веселый человек. Конец и печальный заметит, а начало — только веселый.

Мальчишка (*кричит*). Нет! Нет! (*Бросается к шатрам.*) Выходите! Все выходите!

Парень (*выходит из своего шатра*). Что случилось?

Девушка (*выходит*). Нас опять будут бить?

Мать (*выходит*). Почему ты кричишь, сынок?

Мальчишка. Завтра тысячелетие! Завтра мы все станем вечными рабами. Если мы не освободимся сегодня, то не освободимся никогда. Сегодня или никогда!

И все они повторяют вслед за ним эту фразу: «Сегодня или никогда». Кто с надеждой, кто с сомнением, с отчаянием, с протестом, с покорностью. Но никто из них пока еще не знает, что делать и как быть.

Девушка. А что мы можем?

Парень. Рассмешить Барона.

Девушка. Но если он тысячу лет не смеялся, то почему же он вдруг рассмеется в последний день?

Мальчишка. Надо нам всем убежать!
Мать. Но как? Ведь мы не птицы, сынок. Посмотри на эти стены.
И на этого часового.
Трехглазый (словно откликнулся). За попытку к побегу — смерть!
Мальчишка. Тогда всем умереть. Лучше умереть, чем жить рабом.
Мать. Легко умирать, когда у тебя нет детей. А когда дети, то все-таки лучше жить.
Мальчишка. Даже рабом?
Старик. Даже рабом, мой мальчик.
Мальчишка. Но зачем жить рабом?
Старик. Чтобы надеяться.
Мальчишка. На что?
Старик. На то, что твой сын или внук когда-нибудь станут свободными людьми.
Мальчишка. Надеяться хорошо, но действовать еще лучше. Главное, чтобы они не догадались, что мы уже знаем про последний день. Еще есть время что-нибудь придумать.
Девушка. Что мы можем придумать за один день, если ничего не придумали за тысячу лет?
Мальчишка. За тысячу лет до того дня, как кто-то придумал огонь, люди мерзли под холодными звездами. За тысячу лет до того дня, как кто-то придумал нож, любой зверь был сильней человека. За тысячу лет до того, как кто-то придумал песню, каждый человек жил сам по себе.
Девушка. Но кто же может поручиться, что сегодня будет тот самый день?
Мальчишка. Никто. Но и никто не может поручиться, что сегодня его не будет.
Старик (Матери). А мы и не заметили, как в его головке появились собственные мысли. Кто знает, может быть, человечество так долго спит только для того, чтобы первым проснулся сказочный принц.
Мальчишка. Я предлагаю еще раз попробовать рассмешить Барона... Командуй, деда!

Старик. На репетицию! Все на репетицию! А для разминки — веселую песню... Песню, цыгане, песню! (Кричит.) Счастливы тот, кто умеет веселиться, но дважды счастлив тот, кто умеет развеселить другого.

Начинаются песня и пляска. На балкон выходят Барон и Дипломатка.

Парень (кричит). Начинаем коронный номер! Коронный номер всех времен и народов!

Девушка забирается на плечи к Парню. Они изображают с помощью скрипки и гитары цокот копыт. Девушка ударяет его смычком, как плеткой, и покрикивает: «Но! Но!» А Парень весело подражает конскому ржанию: «И-го-го!» И вдруг Барон поднимается с кресла. Все замирают.

Барон (капризно). Не смешно. Ни капельки не смешно. И пусть она с него слезет. Я не люблю, когда мучают лошадей. (Уходит.)

Дипломатка уходит вслед за ним. Цыгане уныло разбредаются к своим шатрам. Мальчишка протирает свой шарик и склоняется над блюдечком. Старик выносит из своего шатра маленькую наковальню, кладет на нее медную монетку и начинает ударять по ней маленьким молоточком.

Мать (подходит к Старику, грустно). Когда мы были молодыми, твой молоточек звучал очень весело...

Старик (с наигранной веселостью). Если тридцать миллионов раз ударить молоточком по медной монете — она превратится в золотую!

Мать. Когда же он будет, этот тридцатимиллионный раз?

Старик (вздыхает). Не знаю. Я давно уже сбился со счета.

Мать. Неужели ты и сейчас в это веришь?

Старик (тихо). Теперь уже не очень.

Мать. Тогда почему же ты продолжаешь стучать?

Старик (показывает на Парня и Девушку). Я хочу, чтобы они думали, что я все еще верю.

М а т ь (*подходит к Мальчишке*). Ты часами сидишь над этим блюдечком... Только напрасно мучаешь себя... Видишь: никаких облаков нет и не будет. Лучше бы ты занялся каким-нибудь полезным для себя делом или хотя бы просто так отдохнул.

Мальчишка молча берет блюдечко и пересаживается поближе к Старика.

П а р е н ь. Почему у нас опять ничего не получилось?
Д е в у ш к а (*раздраженно*). Потому что твоя гитара бренчит струнами, как лягушка в болоте.

П а р е н ь. А твоя скрипка всю жизнь пытается задрать голову выше самой высокой ноты.

Д е в у ш к а. Конечно, путнику, заблудившемуся в пустыне, и кваканье лягушки кажется голосом соловья.

П а р е н ь. Ох уж этот соловей! Всем примерный соловей!.. Соловей, который поет одну и ту же песню палачу и его жертве.

Д е в у ш к а. Ну что ж.. Может быть, в этом есть высшая справедливость.

П а р е н ь (*с иронией*). Конечно, конечно... Ведь все палачи всегда вытирают свои слезы платочком высшей справедливости.

Д е в у ш к а. А ты.. А ты.. (*Резко уходит в шатер.*)

М а л ь ч и ш к а. Почему они все время ссорятся друг с другом? Разве они враги?

С т а р и к. Это не вражда. Это игра. Через год или два эта игра захватит и тебя.

М а л ь ч и ш к а (*насмешливо*). И как же называется эта игра?

С т а р и к. Древняя, как мир, игра, которая называется «Я люблю тебя больше, чем ты меня, и поэтому, чур, я буду первым, а ты вторым».

М а л ь ч и ш к а (*удивленно*). Но почему же ты называешь это игрой?

С т а р и к. Потому что, когда кончается игра, жизнь меняет их местами.

М а л ь ч и ш к а. Кого?

С т а р и к. Первого и второго.

М а л ь ч и ш к а. А потом?

С т а р и к. А потом начинается другая игра.

М а л ь ч и ш к а (*пожимает плечами*). Я не понимаю тебя.

С т а р и к (*улыбается*). И не надо. Ты сейчас просто запомни. А когда-нибудь потом поймешь.

М а л ь ч и ш к а (*осуждающе*). Она первая рассердилась и первая ушла... И выходит, что она сейчас первая?

С т а р и к. Похоже, что так...

М а л ь ч и ш к а. Чудно... А скажи, деда, кто же из них все-таки важнее — гитара или скрипка?

С т а р и к. В веселье гитара скрипку переиграет, а в печальной песне верх возьмет скрипка... В дни горя женщины, как это ни странно, оказываются сильнее мужчин. И каждому из них время выдает свой час — час женщины и час мужчины. Но они этого пока еще не знают. Они просто любят друг друга, и каждый старается доказать своей музыкой, что он лучше всех на свете... Это вечная тайна, тайна войны двух влюбленных за место в будущей семье: кто-то будет вести, а кто-то будет ведомым... (*Вздыхает.*) Хотя кто же знает, кому в этом мире легче — слепому или поводырю?.. Поводырю, что должен каждую секунду с тревогой вглядываться в даль, выбирая дорогу для себя и для других?.. Или слепцу, который может, закрыв глаза, спокойно шагать по дороге и даже может, если захочет, представить себе эту дорогу неслыханно прекрасной...

Д е в у ш к а (*выходит из шатра и ерошит волосы Парня*). Ну ладно тебе... Ну чего ты...

М а л ь ч и ш к а. А теперь он первый? Да?

С т а р и к (*смеется*). Вот видишь, ты уже начинаешь кое-что понимать.

П а р е н ь. С самого детства родители учили меня играть на гитаре. Я не помню себя без этих мозолей на кончиках пальцев. Я стал виртуозом. Ну и что?.. От кого и от чего в этом мире может защитить гитара?.. Лучше бы они научили меня владеть мечом и щитом.

Д е в у ш к а. А мои по двенадцать часов в день учили меня играть

на скрипке. Я падала от усталости, но они мне говорили: «Это твой единственный шанс. Когда ты играешь — ты не принадлежишь никому. Только себе и музыке». Они думали, что не принадлежать никому — это значит быть свободной. Парень. Все равно каждый кому-нибудь принадлежит. А быть свободным — это, наверно, значит иметь право выбирать тех, кому ты хочешь принадлежать... Ладно, давай еще немного порепетируем.

Девушка. Новый номер?

Парень. Ага... (Объявляет.) Номер называется «Сиамские близнецы, или Мы навеки с тобой неразлучны»!

Он стоит на левой ноге, она — на правой: сцепившись он правой, а она левой ногой, подпрыгивают в такт музыке он на левой, а она на правой ноге и одновременно играют на гитаре и на скрипке.

Девушка (вдруг обессиленно садится на землю). Я не могу... Я больше не могу.

Парень (тихо). Встань!

Девушка. У меня больше нет сил!

Парень. Я знаю. Но ты должна встать.

Девушка (чуть не плачет). Но почему?

Парень. Потому что мы должны придумать смешной номер. Потому что если мы не рассмешим Барона, то его не рассмешит никто. Потому что завтра ты, и твои дети, и внуки, и правнуки станут вечными рабами баронов. Потому что сегодня последний срок. Сегодня или никогда!

Девушка с трудом поднимается, и они снова начинают репетировать.

Молодец!.. Вот так уже лучше!.. Еще лучше!..

И вдруг она падает, пытается, но не может встать. Лицо ее перекошено от боли.

(Испуганно.) Ты сломала ногу?.. (Садится рядом, обнимает ее за плечи.) Это конец... Всеу конец...

Появляется Королева Облаков. На плечи ее накинут двухцветный плащ: снаружи он темно-серый, а внутри ослепительно белый. Она подходит к Девушке.

Девушка (настороженно). Кто ты?
Королева. Покажи свою ногу.

Девушка невольно показывает ей ногу, хотя не может сдержать стон боли.

(Пристально смотрит на ногу.) Ничего страшного. Немного поболит и пройдет. (Проводит рукой вдоль ноги.) Вот так. Девушка (удивленно). Странно. Ты даже не прикоснулась к моей ноге, а боль прошла... Совсем.

Парень. Ты врач?

Королева. Нет.

Парень. Тогда кто ты?

Королева. Я не знаю.

Девушка. Как же так? Каждый должен знать, кто он.

Королева. Ты думаешь?

Девушка. Да.

Королева. Но ведь я не знаю, что со мной будет завтра.

Парень. Ну и что?

Королева. Можно про человека сказать: он тот, кто вчера сделал то-то... И можно назвать его тем, что он сделал вчера. Но это все равно будет его неполное имя, потому что он еще и тот, кто завтра сделает то-то... А если я не знаю, какие обстоятельства и как заставят меня поступить завтра, то как я могу сказать, кто я?

Парень. Не хочешь говорить, кто ты,— это твое право. Все равно спасибо тебе большое... А теперь прости нас, но мы хотим немного побыть вдвоем, наедине.

Девушка (как бы извиняясь). У нас осталось очень мало времени...

Парень. А скоро его не будет совсем.

Королева. Никто не знает, кто он, а про что-нибудь всегда чего-нибудь неизвестно... (Отходит от них.)

На стене появляются Барон и Дипломатка. Подходят к Трехглазому.

Барон. Ну, как они тут?

Трехглазый. Трепещут.

Барон. От ветра?

Трехглазый. Нет, от страха.

Барон. Ну и пусть трепещут... *(Хвастливо.)* Я захватил это племя, когда был еще совсем безбородым мальчишкой. Мы с сестрой в разбойников играли. Надо же!.. Такой маленький, а умел!.. Как сейчас помню, мне в тот день как раз исполнилось ровно сто двадцать семь лет... *(Вдруг заикается.)* Я хочу пить... Я очень хочу пить...

Дипломатка. Мы приготовили специально для вас птичье молоко с двойным сиропом!

Барон и Дипломатка уходят. Королева Облаков появляется перед Матерью и Мальчишкой.

Королева. Откуда у тебя этот красивый шарик?

Мальчишка. Из тряпочки.

Королева. Из какой тряпочки?

Мальчишка *(показывает)*. Вот из этой... А собственно говоря, какое ты имеешь право задавать здесь вопросы? Ты кто?

Королева. Если ты спросишь сам себя, кто ты — разве ты сможешь ответить на этот вопрос?

Мальчишка *(подумал)*. Наверное, нет.

Королева. Тогда почему же ты спрашиваешь об этом других?

Мать. В твоих глазах нет злости.

Королева *(пожимает плечами)*. А зачем мне злость?

Мать *(показывает на стену)*. Значит, ты не с ними.

Королева. Нет. Я и не хочу быть с ними.

Мать. Но в твоих глазах нет страха.

Королева. Его и не может в них быть.

Мать. Значит, ты и не с нами.

Королева. Я ни с кем.

Мать. Выходит, ты всем чужая?

Королева. Или всем своя. *(Смеется.)*

Мать. «Всем своя» не бывает, бывает только «всем чужая».

Королева. А солнце, а воздух, а вода — разве они не всем свои?

Мать. Как видишь, и солнце бывает проклятием над головой и воздух может быть удушливой веревки на шее, а вода твоя — самая коварная обманщица на свете; она приучает нас к себе только для того, чтобы потом мучить нас жаждой. И чем слаще глоток воды, тем сильнее потом жажда.

Королева. Печальные ты говоришь слова. Настолько печальные, что в них даже трудно поверить. Но где-то я слышала, что правда бродит по земле в платьице, сшитом из ниточек печали.

Мать. У тебя здесь какое-нибудь дело?

Королева. Пока не знаю. Я просто смотрю и слушаю.

Мать. Для чего?

Королева. Не знаю.

Мать. И ты можешь уйти отсюда так же спокойно, как пришла?

Королева. Да.

Мать. Тебе нравится здесь?

Королева. Не очень.

Мальчишка. Тогда почему же ты приходишь сюда?

Королева. Меня притягивает сюда мечта.

Мальчишка. О чем?

Королева. Мечта обо мне.

Мальчишка. Чья мечта?

Королева. Не знаю... Но если обо мне очень долго и сильно мечтать, то я иногда прихожу.

Мать. Ты любовь?

Королева *(смеется)*. Нет. О любви я и сама мечтаю.

Мать. Ты пришла к кому-то?

Королева. Я еще не пришла.

Мать. Тогда как же ты здесь?

Королева. Я еще не здесь.

Мать *(иронически)*. И тебя, наверно, пока еще никак не зовут?

Королева. Пока никак.

Мать (*сердито*). Все, что живет на земле, имеет свое имя. Королева. Но мы не живем на земле. На земле мы только рождаемся и умираем.

Мать *досадливо махнула рукой, отвернулась в сторону и занялась своими делами.*

Мальчишка. Слушай, а как ты сюда проникаешь?

Королева. Появляюсь.

Мальчишка. А как уходишь?

Королева. Исчезаю.

Мальчишка (*недоверчиво*). Как это — исчезаешь?

Королева. А вот так. (*Взмахивает плащом и исчезает куда-то вправо.*)

Мальчишка (*Матери*). Мы сейчас с кем-нибудь говорили?

Мать. Не знаю, сынок, не знаю. В такую жару все может помешаться.

Королева (*появляется за спиной у Старика*). Привет!

Старик (*не оборачиваясь*). И тебе привет.

Королева. Я давно за тобой наблюдаю.

Старик (*продолжает свое дело*). И я за тобой.

Королева. Ты хочешь сделать золотую монету?

Старик. Угу.

Королева. Ну и что?

Старик. Нужно тридцать миллионов раз ударить молоточком по этой медной монете.

Королева. И когда это будет?

Старик. Понятия не имею. Я давно сбился со счета. А ты что здесь делаешь?

Королева. Пока еще не знаю.

Старик. Ты с ними?

Королева. Нет.

Старик (*оборачивается и пристально смотрит ей в лицо*). Но ты и не с нами.

Королева. Нет.

Старик. С кем же ты?

Королева. Ни с кем.

Старик. Так не бывает.

Королева. Разве плохо быть только с самим собой?

Старик. Если человек ни с кем, значит, он и не с самим собой.

Королева. Человек... Странное это существо — человек. (*Показывает на белый круг в центре площади.*) А это у вас что?

Старик. Это круг печали. Если кто-нибудь войдет в этот круг, значит, печаль переполнила его сердце.

Королева. И что тогда?

Старик. И тогда он запоет печальную песню. А мы все запоем вместе с ним.

Королева. Почему?

Старик. Так уж мы устроены. Песня — наша богиня. Мы поем как молимся и молимся как поем...

Королева. А что они? (*Показывает на балкон Барона.*)

Старик. Они свое дело знают. Они будут бить нас хлыстами, сплетенными из змеиных жал. А жала эти вымочены в детских слезах и высушены во время великой засухи.

Королева. А это больно, когда бьют?

Старик (*еще раз пристально посмотрел на нее*). Если не очень спешишь — поживи с нами, и ты кое-что увидишь.

Из шатра, где живут Парень и Девушка, раздается печальный звон струны, и где-то далеко ему отозвался другой же звук, и третий, и четвертый...

Слышишь?

Королева. Что?

Старик. Это идет время печальных песен.

Мать. Тогда готовьте свои спины под плети стражников.

Мальчишка. А что, если взять и нарочно спеть веселую песню!

Старик. Ты еще глуп, малыш, и не знаешь, что время печальных песен приходит потому, что ушло время веселых.

Парень (*выбегает из своего шатра, становится в середине белого круга и отчаянно ударяет по струнам гитары*). А-а-а...

Я больше так не могу!.. Печаль переполнила мое сердце!..

Мать (*тихо*). И мое...

Старик. И мое...

Девушка (*выходит из шатра*). И мое...

Мальчишка (*кричит*). Эй, вы там! Мы хотим спеть печальную песню! Приготовьте ваши плетки!

Королева (*Старику*). Неужели он не может сдержаться себя?

Старик. Если не спеть грустную песню, когда пришло время выплеснуть из себя тоску, — сердце может разорваться на части... От веселой песни можно и удержаться, а от печальной нельзя. Если бы мы не умели петь печальные песни, наше племя давно бы вымерло от тоски.

Цыгане начинают тягучую песню, и на балкон выбегают Барон и Дипломатка.

Трехглазый (*кричит*). Прекратить!

Цыгане на минуту замирают.

Барон. Не надо. Пусть поют.

Дипломатка. Тогда придется всыпать им плетей.

Барон (*вздыхает*). Наверно, придется.

Дипломатка. А потом они будут долго стонать. Это не расстроит ваше чувствительное величество?

Барон. Нет, не расстроит... Все-таки их стоны даже чуточку веселей, чем их веселые песни.

Дипломатка (*потирает руки*). Тогда придется взяться за плетя!.. С одной стороны, их, конечно, жалко, а с другой стороны, ведь и ваше невеселое величество нам тоже повеселить хочется.

Цыгане продолжают петь песню. Дипломатка поднимается на стену, подходит к Трехглазому и что-то ему говорит. Мальчишка прилипает к стене. Дипломатка и Трехглазый уходят и с плетями в руках через балкон спускаются на площадку.

(*Трехглазому.*) Помнишь, о чем я тебе говорила?

Трехглазый. Помню.

Дипломатка. Ну, признавайтесь, кто из вас первым начал песню?

Парень. Я.

Старик. Нет, я.

Мать. Я.

Мальчишка. Нет, я!

Девушка. Я.

Барон (*восторженно*). Смотрите, какие у меня дружные рабы!

Дипломатка. Старая история. Придется всыпать им всем.

Барон (*вздыхает*). Придется.

Дипломатка (*смеется*). Подставляйте свои спины так, чтобы нам было удобнее вас бить.

Цыгане сбиваются в кучу. Королева Облаков секунду помедлила и тоже стала вместе с ними.

Барон. Постарайтесь, чтобы их стоны долетали до моего кабинета. (*Уходит.*)

Дипломатка и Трехглазый разворачивают свои длинные хлысты.

Парень (*Девушке*). Не бойся, я прикрою тебя своей гитарой.

Девушка. Нет, я должна испытать ту же боль, что и все. Я не лучше и не хуже других... А твоя гитара понадобится когда-нибудь для более важного дела.

Парень. Когда оно будет, это более важное дело?.. Цыгане! Вчера я смотрел на звезды. Они показались мне такими ласковыми и пушистыми, как детские игрушки. И я подумал: почему же ласковые звезды так далеко от нас, так далеко... Давайте же споем для них, цыгане!

И они под удары хлыстов поют свою печальную песню. Парень все-таки прикрывает Девушку гитарой, и гитара разлетается с вибрирующим звоном.

Барон (*выбегает на балкон*). Откуда это такой смешной звук? Мне послышался очень смешной звук.

Цыгане прекращают песню.

Старик (*торжественно*). Он сказал «смешной звук»!

Девушка (*радостно*). Он сказал «смешной».

Цыгане от радости обнимаются, даже кричат «ура!».

Дипломатка. Тихо! Барон сказал, что это смешной звук, но он не сказал, что ему от этого звука смешно.

Барон. Нет, мне не смешно. *(Уходит.)*

Дипломатка *(Трехглазому)*. Всыпь им еще пять плетей и не забудь, про что я тебе говорила. *(Уходит вслед за Бароном.)*

Трехглазый заканчивает свое дело и тоже уходит. Цыгане со стонами расходятся к своим палаткам. Мальчишка берет в руки шарик, а Старик снова ударяет по медной монетке.

Девушка. Это была хорошая гитара.

Парень. Когда-нибудь мы отомстим и за сломанную гитару и за сломанную жизнь.

Королева *(подходит к Мальчишке)*. Я никогда не думала, что людям так больно, когда их бьют.

Мальчишка *(сочувственно)*. Тебе было очень больно?

Королева. Не знаю... Наверно, нет... Но я была рядом с вами. Совсем рядом. И я как будто чувствовала вашу боль... Моя мать предупреждала меня, чтобы я не приближалась к людям слишком близко. Может быть, из-за этого... Неужели чужая боль может стать и твоей болью?

Мальчишка *(пожимает плечами)*. Я еще не думал об этом. Королева. Печально... Как все это печально... Знаешь, пожалуй, мне все-таки нужно быть от вас чуточку подальше. *(Отходит в сторону.)*

Мальчишка *(возмущенно)*. И кто это придумал эти дурацкие печальные песни? Неужели мы не можем без них обойтись?

Девушка. Можем, конечно, можем.

Парень. От грустных песен струны покрываются плесенью. Старик. Но зато они не рвутся.

Парень. Но вместо струн рвутся души!

Мальчишка. Так неужели струны гитары дороже души человека?

Парень. А? Ну что ты на это скажешь, мудрый старик?

Старик. А ведь и мудрость-то моя тоже началась с печали... С первой печали начинается мудрость, с первой печали... Но и

печальным мыслям, как и всему на свете, есть свой срок. Печаль никогда не приходит раньше веселья... Они для разного рождены — веселые и грустные песни. Веселая песня — это наша дневная тревога, а грустная песня — это ночной торжественный сон. Они — как утро и вечер, как работа и любовь... И нельзя заменить день ночью, утро вечером и работой любовью... Увы! Все в мире начинается весело и кончается печально. А длина жизни — это и есть расстояние от веселого до печального... Но даже в конце жизни веселая песня может вернуть тебя в молодость, а печальная даст молодому возможность заглянуть в будущее. И если у человека отнять одну из этих двух песен — жизнь его потеряет свое расстояние. Она будет идти ниоткуда и никуда... А хуже всего, если вдруг обе эти песни одновременно сплывутся в одном человеке, — тогда беда. И никто на свете не знает, как этой беде помочь.

Королева *(подходит снова к Мальчишке)*. Странно... Но я почему-то никак не могу отсюда уйти... Если не секрет... Я давно хотела у тебя узнать...

Мальчишка *(усмехается)*. «Давно»... Только утром появилась, а уже говоришь «давно»...

Королева. Мотылек, жизнь которого длится лишь один день, не думает к вечеру, что утро было совсем недавно. Ему кажется, что оно было давным-давно.

Мальчишка. Если мотылек дожил до вечера, значит, у мотылька сегодня был удачный день.

Королева *(смеется)*. Верно... А что это за игра у тебя такая, со стеклышком и водой?

Мальчишка *(угрюмо)*. Это не игра. Я делаю облака.

Королева *(поражена)*. «Облака»!.. А я все никак не могла понять, что за сила тянет меня в этот замок... *(Смеется.)* Ну, тогда спасибо тебе! *(Кланяется.)*

Мальчишка. За что?

Королева. Надо же... Облака!.. *(Уходит и продолжает бормотать.)* Ну и ну!.. Мальчик, который делает облака!..

Мальчишка *(пожимает плечами)*. Чокнутая какая-то... Поду-

маешь... Облака делаю... Надо — вот и делаю... Если бы мы были свободными, мы бы путешествовали по земле вместе с облаками. Так, чтобы над головой всегда было какое-нибудь очень симпатичное облачко и чтобы маме всегда было легко и свободно дышать.

Появляется Дипломатка.

Дипломатка. Ты не видел Трехглазого?

Мальчишка (валает дурака). Видел.

Дипломатка. Где?

Мальчишка. Он убил Парня с гитарой и со страху куда-то убежал.

Дипломатка (испуганно). Как это — убил?

Мальчишка. А так. Насмерть.

Дипломатка (схватила за голову). Проклятый дурак!.. Теперь все пропало!.. Я же говорила ему, что если он кого-нибудь убьет...

Трехглазый (появляется на стене). За попытку к побегу — смерть!

Дипломатка (с ненавистью смотрит на Мальчишку). Ну, маленький негодяй! Я тебе это запомню. (Уходит.)

Мальчишка (Старику). Она и на стене говорила ему то же самое: «Если ты кого-нибудь убьешь насмерть...» А дальше я не расслышал... И здесь опять... Почему она так сказала?

Старик. Потому что если они нас сегодня убьют, то завтра им некого будет бить.

Мальчишка. А ты видел, как она испугалась, когда я придумал про Трехглазого?..

Старик. Хозяева боятся своих рабов не меньше, чем рабы — хозяев.

Мальчишка. Нет, нет... Тут какая-то тайна... Они в тысячу раз сильнее, чем мы, но они явно чего-то боятся. Им все можно, но чего-то все-таки нельзя... Чего? Если бы узнать, чего они боятся и чего им нельзя... Ну что ж... Наверно, придется как следует пошевелить мозгами.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же площадь. Те же шатры. Старик настраивает гитару. Мальчишка сидит с Матерью, с шариком в одной руке, а другой подпирает лоб. Он в глубокой задумчивости. Парень и Девушка грустно сидят рядышком.

Парень (Старику). Ты уже сто лет настраиваешь эту гитару. Она и так звучит прекраснее всех гитар на свете. Чего же тебе еще не хватает?

Старик. В далекой-далекой стране живет маленькая-маленькая птичка. Она очень редко поет. Но когда она поет, то в страшную жару становится чуточку прохладней, а в лютый мороз — чуточку теплее. Вот ее-то голоса и не хватает моей гитаре.

Мать. Ее голос никогда не зазвучит в твоей гитаре.

Старик. Почему?

Мать. Потому что она свободна, эта птичка.

Парень. А у меня теперь нет никакой гитары. Даже самый последний нищий и тот богаче меня в десять раз.

Мать. Кто же может быть беднее самого бедного нищего?

Парень. Тот, кто имеет право просить милостыню только у самого себя.

Старик. Пожалуй, сейчас самое время... Я давно хотел это сделать... (Подходит к Парню и протягивает ему гитару.) Бери.

Парень. А ты?

Старик. У меня есть еще одна. Я сделал ее для Мальчишки, когда он был совсем маленьким.

Парень. Но ведь это детская гитара.

Старик. Я сыграю и на детской. К тому же у меня есть бубен. (Матери.) Ты помнишь, что я выделывал с бубном, когда был молодым?

Парень и Девушка склоняются перед Стариком в глубоком поклоне.

Ладно, ладно... Если я сделаю золотую монету, я куплю на нее десять лучших в мире гитар. *(Возвращается к своей монете и молоточку, но вдруг поднимает голову к небу и, продолжая выстукивать, что-то там разглядывает.)*

Мальчишка. Деда, что ты там увидел?

Старик. Не знаю. Мне показалось, что надо мной кто-то пролетел.

Мать. Это над нами уже витает тень смерти.

И вдруг монета на маленькой наковальне запульсировала золотистым светом.

Мальчишка *(кричит)*. Деда, смотри!

Старик берет в руки монету. Она стала большой и золотой.

Мать. Надо же... Ты все-таки добился своего.

Девушка. Поздравляем!

Парень. От всей души!

Мальчишка. Деда... Когда в детстве мама рассказывала мне сказки, я заметил одну вещь... Сначала чудеса долго не появляются, а потом... если уж они начинаются...

Старик. Теперь остается только сделать дырку в монете, и она превратится в золотую серьгу. Мы предложим эту серьгу Барону в обмен на нашу свободу.

Мать. Так задешево он нас не отпустит.

Старик. Малыш прав: главное, чтобы чудеса начались. А там... Так ударим же, братья, по струнам в честь этого чуда!

Они дружно ударяют по струнам. На стене появляется Трехглазый, а на балконе — Барон и Дипломатка.

Барон. Что тут у них? Опять какое-нибудь безобразие?

Дипломатка. Немедленно прекратить!

Старик *(торжествующе поднимает над головой монету)*. Я тридцать миллионов раз ударил по медной монетке — и вот... Она превратилась в золотую!

Барон. Фи!.. Я думал, что-нибудь интересное... Да у меня таких монет сколько угодно. Целый подвал.

Старик *(с отчаянием)*. Но это не простая монета. Она только что превратилась...

Барон *(прерывает его)*. Деньги превращаются в рабов, а рабы — снова в деньги. И все мы бредем по этому бесконечному кругу... *(Уходит.)*

Дипломатка уходит вслед за ним. Старик роняет монету.

Мать. Ну вот, и еще одна надежда упала на эти равнодушные камни.

Старик *(поднимает монету)*. Не хочет Барон — и не надо... Мы сами ее поносим! Пока живешь — радуйся. А смерть придет — что ж... Цыган, умирающий с золотой серьгой в ухе, — это все-таки счастливый цыган!.. И плевать нам на богатства Барона. Богатые редко бывают счастливыми.

Мать. Но и счастливые редко становятся богатыми. О-хо-хо... Видно, к старости время приводит мудрость, да отнимает ум, если ты за свободу назначил цену всего в одну золотую монетку.

Мальчишка *(возмущенно)*. О чем вы говорите?.. Разве у свободы есть цена?

Старик. Цена есть у всего, мой мальчик.

Мальчишка. Но свобода — это бесценный дар!

Мать. Не ищи бесценного дара, сынок, а ищи стоящей работы.

Мальчишка *(хлопает себя по лбу)*. Стоп!.. Я, кажется, начинаю о чем-то догадываться...

Парень. О чем?

Мальчишка. И сейчас мы это проверим...

Парень *(нетерпеливо)*. Что?

Мальчишка. Где-то у меня еще оставалось немного цветной глины. *(Уходит в шатер.)*

Парень. Что он хочет проверить?

Мать *(махнула рукой)*. А... Он всегда что-нибудь проверяет.

Парень. А солнце опускается все ниже и ниже.

Мать. Слава богу, хоть стало чуточку легче дышать.
Парень (*кричит почти в истерике*). Дышите! Дышите глубже
последним днем свободы! Больше ее у нас никогда не будет!
Мать. Ее у нас никогда и не было.

Мальчишка выходит из шатра с куском картона, на котором зеленой краской написано: «Я — дурак».

Парень. Все в игрушки играешь?
Старик. Не валяй дурака, малыш.
Мальчишка (*показывает плакат*). Вот именно это я и собираюсь делать. (*Парню.*) Подсади меня на балкон.
Парень. Ты с ума сошел!
Мальчишка. С того ума, которым мы жили до сих пор, давно уже пора было сойти.

Парень пожимает плечами и подсаживает его. Через секунду Мальчишка уже оказывается на стене и подкрадывается к стоящему спиной Трехглазому. Но Трехглазый, словно действительно видит затылком, потихоньку вытаскивает свой меч из ножен и, когда Мальчишка оказывается совсем близко, разворачивается и наносит страшный удар. Цыгане вскрикивают от ужаса, но Мальчишка успел отскочить и меч с грохотом врезался в камень стены. Мальчишка хохочет.

Если бы ты не промахнулся — тебе бы сильно не повезло.
Трехглазый (*злобно*). Пусть только пройдет сегодняшний день... (*Грозит мечом.*) Завтра ты узнаешь, что бывает с теми, кто издевается над Трехглазым.
Мальчишка. Ха-ха! А что случится завтра? Или ты думаешь, что за один день ты сильно поумнеешь?
Трехглазый. Не знаю, как я, но ты-то сильно поглупеешь.
Мальчишка. Даже если у меня убавится половина ума, я все равно буду в пять раз умнее, чем некоторые.
Трехглазый (*ехидно*). Ты все-таки надеешься сохранить половину ума?.. До завтра... (*С дикой ненавистью.*) Завтра я смогу вас всех перебить! Всех до одного!
Мальчишка. Ха-ха! Но почему же не сегодня?

Трехглазый Потому! Потому что завтра вы все...
Мальчишка. Станем рабами?
Трехглазый (*испуганно*). Нет! Нет! Я этого не говорил!
Мальчишка. И завтра нас можно будет убивать?
Трехглазый. С радостью! С радостью это сделаю!
Мальчишка. Но сегодня пока еще нельзя.
Трехглазый. Ничего. Я дотерплю до завтра.
Мальчишка. А сегодня нельзя, потому что...
Трехглазый (*раздраженно*). Я тебе ничего не говорил!
Мальчишка. Потому что, если ты сегодня кого-нибудь из нас убьешь, все мы сегодня же станем свободными.
Трехглазый (*кричит*). Я этого не говорил!
Мальчишка. Врешь! Если бы ты не проговорился, как бы я об этом узнал?

Трехглазый замахивается мечом и с ревом бросается на Мальчишку.

Дипломатка (*выбегает на стену*). Стой! Назад!

Трехглазый останавливается и безвольно опускает меч.

Помни о том, что я тебе говорила!
Трехглазый (*устало*). Я помню, помню...
Дипломатка. Похоже, что ты немного перегрелся на солнце.
Идем, я отведу тебя в прохладный погреб. Там ты немного остынешь.

Дипломатка и Трехглазый уходят.

Мальчишка (*торжествуя победу, прыгивает на площадь*). Вы слышали?
Старик (*горестно*). Ничего нового он нам не сказал.
Мальчишка (*поражен*). Как? Вы и раньше знали об этом?
Старик. Конечно, знали, мой мальчик.
Мальчишка. Но почему же вы мне ничего не сказали?
Мать. Мы хотели, чтобы хоть детство твое прошло без мрачных забот.
Старик. Мы боялись, чтобы ты не наделал каких-нибудь глупостей.

Мальчишка. Что вы называете глупостью? Защитить собственной жизнью жизнь своей матери и своего народа?

Старик. Если каждый начнет жертвовать своей жизнью ради своего народа — от народа скоро ничего не останется.

Мать. Не дети должны защищать своих родителей, а родители должны защищать своих детей.

Старик. Детство — это праздник надежд. Если у человека отнять этот праздник — он рождается стариком.

Мальчишка (*чуть не плачет*). Но ведь если бы я знал раньше, то, может быть, я что-нибудь придумал!

Старик. Знаешь, сколько за тысячу лет родилось таких же мальчишек, как ты?

Мальчишка. Знаю. Я знаю, что всегда рождается кто-то такой, кто с самого своего рождения уже как кто-то другой. Но должен же когда-нибудь появиться кто-то такой, кто совсем никакой!

Мать. Как это — никакой?

Мальчишка. Ну, никакой не другой... Ну, такой, который похож только на самого себя.

Старик. Слава богу, мы еще не встречали на земле такого уroda.

Мать. Или человека такой нечеловеческой красоты.

Мальчишка (*растерянно*). Что же делать?

Старик. То же, что и раньше: жить.

Мальчишка. Зачем?

Старик. Ну, хотя бы затем, чтобы дожить до появления надежды.

Мальчишка. Надежды на что?

Старик. Надежды на легкую смерть, мой мальчик. До самой великой из всех надежд на земле.

Мальчишка. Ладно... Я согласен на легкую смерть, но я не согласен на легкую жизнь. Я буду бороться.

Старик. Человек рождается со свободным телом и с душою раба. Страх — основной инстинкт человека. Страх делает нас рабами страха. Вот почему даже свободное тело никогда не сможет восстать, если в нем живет душа раба.

Мальчишка. Тогда я восстану против своей души! Если этот мир устроен так несправедливо — мы должны изменить этот мир.

Старик. Мир изменить нельзя.

Мальчишка. Нет, можно.

Старик. Если тебе кажется, что ты можешь изменить мир, это значит, что ты, пока еще, можешь изменить самого себя.

А это не так-то уж и мало.

Мальчишка. Но все-таки мало?

Старик. Да. Для того чтобы переменить этот мир, мы все сначала должны изменить самих себя.

Мальчишка. Почему же мы должны начинать с себя, а не с этого дурацкого мира?

Старик. Когда ты видишь в зеркальце грязь на своем лбу, что ты начинаешь тереть: зеркальце или лоб?

Мальчишка. Конечно, лоб.

Старик. А почему?

Мальчишка. Ну, почему?

Старик. Потому что не мы зеркало мира, а мир — это зеркало нас самих.

Мальчишка. Ну что ж... Тогда займемся этим делом всерьез.

Старик (*с легкой иронией*). С чего же ты начнешь, мой мальчик?

Мальчишка. С того, чтобы жизнь моего народа стала для меня дороже моей собственной жизни.

Старик. Это не так-то просто. Помнишь, что я говорил тебе про страх?

Мальчишка. Я подарю его какому-нибудь перепуганному рабу. (*Уходит.*)

Старик. А мы и не заметили, как быстро он вырос. Совсем недавно был еще мальчиком, а теперь уже юноша.

Мать (*с тревогой*). Почему ты так думаешь? У него даже усов еще нет.

Старик. Потому что он решил восстать против самого себя... Это, мой друг, привилегия юности. Юность — пора восстаний.

Мать. Но это будет бессмысленный бунт. Ты должен отговорить его.

Старик. Ты видела: я пытался. Но разве можно отговорить детство от детства, старость от старости, а тем более юность от юности.

Мать. Я боюсь за него.

Старик. Что делать? А это уж наша привилегия — бояться за своих детей. Дети за нас не боятся.

Дипломатка (*появляется на стене, подходит к Трехглазому*).
Все тихо?

Трехглазый. В гробу еще тише.

Дипломатка (*смеется*). Всех в гроб не уложишь.

Трехглазый. Можно и уложить. Только нужно сделать много-много гробов, а еще лучше — один большой-большой гроб.

Дипломатка. Мрачный ты тип... Но пока они не в гробу — за ними нужен глаз да глаз.

Трехглазый. У меня их три.

Дипломатка. Особо приглядывай за Парнем и Девушкой. Они влюблены друг в друга. А влюбленные сам знаешь на что способны.

Трехглазый. На что?

Дипломатка. Да неужто ты никогда никого не любил?

Трехглазый. Вот еще... Это мне не грозит.

Дипломатка. Почему ты так думаешь?

Трехглазый. Потому что я с детства всех ненавижу.

Дипломатка. И братьев и сестер?

Трехглазый кивает.

И мать и отца?

Он кивает.

Значит, ты любишь только себя самого?

Трехглазый. Нет, я и себя ненавижу. Бывает, так ненавижу, что даже убить себя хочется. К сожалению, нам проклятый закон не разрешает убивать самого себя.

Дипломатка. Что же ты делаешь в таком случае?

Трехглазый. То же, что и все. Убиваю кого-нибудь другого.

Дипломатка. До завтра. Потерпи до завтра. (*Уходит.*)

Возвращается Мальчишка.

Старик. Ну что? Подарил кому-нибудь свой страх?

Мальчишка (*смеется*). Подарил. У него столько страха, что он

даже не заметил, что прибавилось еще немного... Деда, ты уже пробил дырку в монете?

Старик. Да.

Мальчишка. Одолжи мне ненадолго твою золотую монету.

Старик дает Мальчишке золотую монету.

Мама, у тебя есть нитка?

Мать протягивает ему катушку ниток.

Эй, цыгане, я придумал забавный трюк! Лучший концертный номер всех времен и народов!.. И если мне удастся попасть в рифму, то вы кое-что услышите, а может быть, даже и увидите... Но вы должны дать мне клятву, что никто из вас не вмешается в исполнение номера, пока я сам его не закончу.

Цыгане загудели: «Клянемся».

А пока спрячьтесь в своих шатрах. Смотреть мое представление можно и оттуда. Итак, объявляется концертный номер!.. Соло на жизни! (*Привязывает монету к нитке, кладет монету посреди площади, разматывает катушку, прячется за шатер и говорит оттуда протяжным, измененным голосом.*)
Эй... Трехглазый...

Трехглазый. Что?

Мальчишка. Ты слышишь меня?

Трехглазый (*беспокойно оглядывается*). Ты кто?

Мальчишка. Я голос неба.

Трехглазый смотрит вверх.

Нет, не смотри туда... Ты меня все равно не увидишь... Посмотри лучше вниз...

Трехглазый (*смотрит вниз, глаза его загорелись жадным светом*). Монета... Кто-то из них потерял золотую монету... Что с возу упало — то пропало. А у кого мало — к тому и попало.

Уходит со стены, появляется на балконе, ставит лестницу,

спускается на площадь и осторожно крадется к монете. В шатре, где живут Парень и Девушка, кто-то кашлянул. Он вздрогнул и замер. Прислушался, подошел к монете и стал медленно нагибаться.

Мальчишка потянул нитку и отодвинул монету. Трехглазый удивленно посмотрел на монету и всем телом ринулся на нее. Но Мальчишка успел выдернуть из-под него монету. Трехглазый вскочил, прыгнул за шатер и вытащил оттуда Мальчишку.

Трехглазый. Это опять ты?.. Голос с неба придумал... Вот я сейчас тебя туда и отправлю.

Мальчишка (презрительно). Кто?.. Ты?.. Да ты посмотри лучше, что свисает с твоих ус.

Трехглазый оцупывает усы.

(Хочочет.) С них свисает осторожность. Намотал себе на ус осторожность старый трус!

Трехглазый. Кто трус? Я? (Выхватывает меч.)

Старик выскакивает из шатра и хочет встать между ними.

Мальчишка (кричит). Назад! Вы дали мне клятву.

Старик беспомощно пятится к шатру.

(Трехглазому.) Ну, чего же ты ждешь, несчастный трус?

Трехглазый. Завтра... Завтра я тебе покажу.

Мальчишка. Все сегодняшние трусы грозятся завтра стать храбрцами... Вот он я, перед тобой! Ну, убей меня, убей!

Трехглазый трясется от ярости.

Ах, какой ты страшный... Ну прямо чудище. Трехглазый урод. Но я не боюсь тебя, Трехглазый!

Трехглазый (стонет). Замолчи!..

Мальчишка. И никто тебя не боится. Потому что во всех твоих трех глазах прячется ничтожная трусость! Ты трус!.. Трус!! Трус!!!

Трехглазый с воплем ненависти заносит над головой меч и бросается на Мальчишку.

Дипломатка (появляется на балконе). Стой!

Трехглазый замирает.

Немедленно иди сюда!

Трехглазый поднимается на балкон.

И немедленно в холодный подвал. А то ты взорвешься от злости... (Мальчишке.) Ну что, фокус не удался?

Трехглазый и Дипломатка уходят. Цыгане выходят из своих шатров.

Девушка (восхищенно). Был бы ты чуть постарше, я бы просто влюбилась в тебя.

Мальчишка (с досадой). Если бы Дипломатка не появилась на балконе, он убил бы меня.

Мать. Нет. Ты предложил небу слишком большую плату за нашу свободу, и небо не приняло эту плату.

Старик (ворчливо). Лучше бы ты занимался своими облаками.

Цыгане расходятся по шатрам, а Мальчишка берет в руки стеклышко и начинает тереть его старой тряпкой. Вдруг раздаются далекие гулкие удары.

Дипломатка (появляется на балконе, считает). Раз... Два...

Цыгане высовывают головы из шатров.

Барон (выбегает на балкон). Землетрясение! Землетрясение! Дипломатка. Не извольте беспокоиться, ваше тревожное величество. Никакого землетрясения нет.

Барон. Тогда почему же все дрожит?

Дипломатка. Это Трехглазый в подвале бьет головой об стену. (Показывает вниз.) Они довели его до полного бешенства. На Трехглазого просто жалко смотреть.

Барон. А он не пробьет стену?

Дипломатка. Думаю, что нет.

Барон. А голову?

Дипломатка. Вряд ли. Ну, пробьет себе в голове пару дырок — зато выпустит пар. А то он кипит от злости, как паровой котел.

Барон и Дипломатка уходят.

Старик (*подходит к Мальчишке*). Ты бы лучше сначала посоветовался со мной. Конечно, каждый человек вправе распорядиться своей жизнью, но, как видишь, они и это предусмотрели.

Мальчишка. Скажи мне, деда, почему одни народы бывают счастливыми, а другие — такими несчастными?

Старик. Когда слишком много людей собирается в одном месте — они всегда несчастны... Слишком много — это всегда плохо... Слишком много желаний — предвестник одиночества. Ибо никто не сможет стать твоим единственным другом, потому что ни один человек не может выполнить столько чужих желаний.

Мальчишка. А деньги?

Старик. Слишком много денег — предвестник пустоты. Ведь то, что наполнено до предела, так же пусто, как то, что не заполнено ничем.

Мальчишка. А любовь?

Старик. Слишком много любви тоже бывает. У того, кто не может ею ни с кем поделиться. Это как кувшин с водой, который ты держишь в своих руках. Если тебе некого напоить этой водой — ее становится слишком много. А кувшин — все тяжелей и тяжелей.

Мальчишка. А счастье?

Старик. Счастье как цветы на клумбе. Если их посадить слишком близко друг к другу — никто из них не расцветет. Когда слишком много людей собирается в том месте, где давно не растет счастье, то что можно пожелать этим людям?

Мальчишка. Ты очень мудрый, очень... И все-таки прав не ты, а я.

Старик поднимает голову и смотрит вверх.

Что ты там увидел?

Старик. Мне опять показалось, что над нами кто-то пролетел... Мальчишка (*трет свой шарик, смотрит на тряпочку*). Опять продырявилась. Значит, где-то есть какая-то еле заметная острая грань. Если я ее ликвидирую, то можно будет считать, что облака у меня в кармане.

Мать. Ты извел на этот шарик уже не меньше тысячи тряпок. Мальчишка (*смеется*). Меньше. Это была всего-навсего девятьсот девяносто девятая... Мама, милая, ты представь себе, что ты стоишь посреди этой площади, а над тобой плывут нежные, влажные облака и тебе снова легко дышится, как в молодости.

Мать. Ты забыл...

Мальчишка (*угрюмо*). Я помню. Но день еще не окончен.

Мать (*Старику*). До чего же он упрямый!

Мальчишка. Я не упрямый. Я упорный.

Старик. Упорный — это тот, кто достиг своей цели. А упрямый... (*Разводит руками.*)

Но вдруг шарик в руке Мальчишки засверкал так ослепительно, что все невольно зажмурились.

Барон (*выскочил на балкон*). Что случилось? Пожар?

Трехглазый (*появляется на стене. Голова его в бинтах, но даже под бинтами видны две огромные шишки. Он ударил в колокол и завопил*). Горим!

Дипломатка (*появляется на балконе*). Тихо! Без паники! Эй, ты! (*Быстро надевает темные очки.*) Прикрой тряпкой свой шарик!

Мальчишка прячет шарик в тряпочку, и буйство света тут же прекращается.

Барон (*капризничает*). Я хочу такой шарик.

Дипломатка. Ты все-таки добился своего... Ну что ж... Значит, нам предстоят интересные переговоры.

Барон. Я хочу этот шарик!

Дипломатка (*Мальчишке*). Поднимись сюда.

Мальчишка (*дерзко*). А если я не поднимусь?
Дипломатка. Не надейся, мы не убьем тебя. Но зато бить будем долго и больно.

Старик (*тихо*). Поднимись. И если ему очень захочется этот шарик...

Мальчишка (*поднимается на балкон, становится перед Бароном*). Ну?

Барон. Мне понравился твой шарик.

Мальчишка. Ну и что?

Барон. Я хочу, чтобы ты мне его подарил.

Мальчишка. За что?

Барон. Дарят не за что-то, а потому, что любят или уважают того, кому дарят.

Мальчишка. Но я не люблю тебя и не уважаю.

Барон (*Дипломатке*). Он хочет меня обидеть?

Дипломатка. Думаю, что да.

Барон. Глупо. Что же ты хочешь за свой шарик?

Мальчишка. Свободу моему народу.

Барон. Хорошо. Завтра я об этом подумаю.

Мальчишка. Нет, сегодня.

Барон. Покажи твой шарик.

Мальчишка вынимает из тряпочки шарик. Снова начинается игра света. Барон ловко выхватывает из рук Мальчишки шарик, но шарик сразу же гаснет в руках Барона.

В чем дело?

Мальчишка. Все очень просто. Пока я жив, шарик будет светиться только в моих руках. (*Берет из рук растерявшегося Барона шарик и прячет его в тряпочку.*)

Барон (*Дипломатке*). Он хочет, чтобы мы его убили?

Дипломатка. Завтра. Завтра мы это сделаем. (*Мальчишке.*)

Пошел вон отсюда. Брысь!

Мальчишка быстро спускается на площадь.

Барон. Я хочу сегодня... Эй ты, если твой шарик засветится в моих руках, я дам тебе сегодня свободу. Но только тебе одному.

Мальчишка. Это меня не устраивает.

Барон. Ты знаешь, что тебя ждет?

Мальчишка. Да.

Барон. И тебе не страшно?

Мальчишка. Нет. Тот, кто знает, что завтра его ждет тысяча несчастий, — тот тысячекратно свободен перед сегодняшним днем... Вот и выходит, что сегодня я в тысячу раз свободней тебя и твоих охранников.

Барон. Свободнее меня нет никого на свете!

Мальчишка. Да? А если завтра какой-нибудь другой барон захочет отнять у тебя твоих рабов?

Барон. Пусть только попробует!

Мальчишка. Ты вступишь с ним в сражение?

Барон. Да!

Мальчишка. И будешь драться до последней капли крови?

Барон. Да.

Мальчишка. Даже рискуя своей жизнью?

Барон. Да.

Мальчишка. И ты готов отдать свою жизнь за своих рабов?

Барон. Да.

Мальчишка. Выходит, твоя жизнь принадлежит твоим рабам?

Барон. Да.

Мальчишка. А скажи честно: твои рабы тоже готовы отдать за тебя свою жизнь?

Барон (*презрительно*). Они на это неспособны.

Мальчишка. Значит, жизнь твоих рабов тебе не принадлежит?

Так кто же из вас чей раб?.. Что, смешно?

Барон. Он смешит меня или обижает?

Дипломатка. Не расстраивайтесь, ваше рабское величество. Если говорить о любви к ближнему своему, то все мы в этом смысле рабы... (*Мальчишке.*) А у тебя, оказывается, очень острый ум.

Трехглазый. Но не острее самого острого ножа.

Мальчишка. Сегодня пока что острее.

Дипломатка. Ну, эта борьба длится уже много веков. И побеждает то нож, то ум, то ум, то нож... (*Трехглазому.*) Возь-

ми его на заметку. И даже поставь первым и списке... На завтра...

Мальчишка вынул из тряпочки шарик и дразнит Барона.

Барон (*капризничает*). Я хочу его... Я хочу...

Мальчишка. Тебе так нравится мой шарик?.. Еще бы! Ни один шарик в мире не сверкает так прекрасно. Но тебе этого шарика не видать как своих ушей.

Барон (*Дипломатке*). Разве я не могу увидеть свои собственные уши?

Мальчишка. Можешь. Но только если ты их отрежешь.

Барон грозно приподнимается с кресла.

Дипломатка (*останавливает его*). Завтра.

Барон (*садится*). Ну почему этот шарик оказался именно у него?

Мальчишка. Ты мне завидуешь?.. И ты правильно делаешь. Ведь такой удивительный шарик есть только у меня. И даже тысячи сиятельных сиятельств не сияют так величественно и благородно... Хотя что ты понимаешь в величии и благородстве?

Барон грозно приподнимается, но Дипломатка заставляет его сесть.

Ах, как бы тебе хотелось стать единственным обладателем единственного во всем мире самого замечательного шарика! Но ты им никогда не станешь. Потому что ты трус. Жадина и трус!

Барон (*вскакивает*). Я убью его!

Дипломатка. Завтра.

Мальчишка. Нет, сегодня! Сегодня или никогда!

Трехглазый. Завтра!

Мальчишка. Завтра этого шарика не будет. Я сам, своей рукой, раскрошу его на мелкие кусочки.

Барон (*капризничает*). Я хочу этот шарик. Сегодня же...

Дипломатка. От вашего величества и так отходит такое величественное сияние...

Барон. Я хочу чужое сияние!.. (*Хватается за голову*.) Голова! Дипломатка. Опять гвоздь?

Барон. Как будто его забили туда тяжелым молотком... Пакость. Скорее какую-нибудь пакость!

Дипломатка (*что-то шепчет Трехглазому*). Быстро!

Трехглазый уходит.

(*Мальчишке*.) Эй, ты!

Мальчишка. Что?

Дипломатка. Так ты считаешь, что ты свободнее своего господина?

Мальчишка. Конечно, свободней.

Дипломатка. И ты считаешь, что правильной было бы твоему господину стать рабом, а тебе — господином?

Мальчишка. Намного правильной.

Дипломатка. Твоему господину, сидя на этом троне, приходится решать срочные дела государственной важности всего за одну минуту. Ты и это бы смог?

Мальчишка. А почему бы и нет? Дайте мне хотя бы одну минуту, и я сумею принять самое важное на свете решение.

Дипломатка. Хочешь попробовать?

Мальчишка (*настороженно*). И мое решение будет для всех законом?

Дипломатка. Конечно. Но при одном условии.

Мальчишка. Каком?

Дипломатка. Если ты за минуту не примешь такое решение, получишь десять плетей.

Мальчишка. Я согласен.

Дипломатка (*опускает ему лестницу*). Поднимайся и садись в кресло.

Мальчишка поднимается на балкон, садится в кресло, но тут же с воплем вскакивает.

Барон. Все! Ура! Гвоздь выскочил. (*Берет с кресла кнопку*.)

Очень, очень хорошие кнопки. Длинные, остренькие, стальные. Замечательный мастер их делал.
Дипломатка (*Мальчишке*). Брысь отсюда!

Мальчишка спускается на площадь.

За мной долг. Десять плетей.

Мальчишка (*погирает одно место*). И за мной. А я тоже не люблю оставаться в долгу.

Барон и Дипломатка уходят. Трехглазый поднимается на стену. Мальчишка берет в руки блюдечко с водой и печально на него смотрит.

Старик. Чем ты расстроен?.. Тем, что тебе не удалось умереть?.. Бессмысленно торопить то, чему есть свой срок и свое время.

Мать. О великое небо, если то, что мы делаем, ты называешь жизнью, то я не вижу разницы между живущим и мертвым. Я живу так, как будто я давно умерла... Раз уж ты не можешь послать моему мальчику облака, то пошли мне хотя бы смерть.

Старик. Хотеть умереть может только тот, кто пока еще жив.

Мать. Я хочу умереть этой ночью. Завтра я умру уже рабой.

Старик. Рабу в той жизни будет лучше, чем его господину.

Мать. Почему ты так думаешь?

Старик. Потому что там будет лучше тем, кто меньше во всем этом виноват.

Мать. Ты считаешь, что раб ни в чем не виноват? Даже в том, что он раб?

Старик. А разве ты считаешь, что раб в чем-то виноват?

Мать. Он не виноват в том, что стал рабом, но он виноват в том, что не стал свободным человеком... Поэтому я и хочу умереть. Я не хочу быть ни в чем виноватой.

Мальчишка (*обнимает ее*). Нет, мама, ты не должна умирать. Что бы с нами ни случилось, я всегда буду рядом с тобой, и я сумею тебя защитить...

Мать. Какой ты защитник? Ты у меня еще совсем маленький.

Мальчишка. Мама, милая моя мама. Это ты у меня стала

маленькой и слабенькой. Но пока я жив, никто не посмеет тебя тронуть или обидеть. А облака, которые я обещал тебе подарить, тоже когда-нибудь появятся на горизонте.

Мать. Спасибо тебе, мой мальчик.

Мальчишка (*Старику*). Ты что, действительно веришь в эту другую жизнь?

Старик. А ты заметил, как мы заботимся о том, чтобы наши дети и внуки вспоминали о нас добрым словом?

Мальчишка. Конечно.

Старик. Так вот, для тех, кто ушел, другая жизнь — это и есть воспоминание о них. Это совесть наших детей, обремененная или не обремененная нашей совестью.

Дипломатка (*выбегает на балкон*). Все по шатрам! Быстро! Брысь!

Цыгане прячутся в шатры.

Барон (*выходит на балкон и хнычет*). Я хочу еще раз увидеть этот шарик.

Дипломатка. Не травите себе зря душу, ваше величество.

Барон. Ну почему?.. Ну почему они такие вредные?.. Я бросил их в этот каменный мешок без воды, без цветов, без деревьев!

Днем они задыхаются от жары, а ночью дрожат от холода.

Это самое гиблое место на земле — и все-таки они продолжают петь здесь свои дурацкие песни... И еще дерзят.

Дипломатка. Плохо мы их бьем — вполруки да с оглядкой: как бы кого не убить, не прибить, не пристукнуть... Они, может, этого и не знают, но нутром чувствуют — потому и дерзят. Но завтра...

Барон. А может, его все-таки убить сегодня? Могу я позволить себе такую роскошь?

Дипломатка. Зачем убивать, если все можно решить с помощью дипломатии.

Барон. Фу... Опять переговоры? Скучно.

Дипломатка. Можно и без переговоров. Просто несчастный случай. (*Пожимает плечами.*) Ни от кого не зависящий случайный несчастный случай.

Барон. Да?.. Ну расскажите... Ну расскажите же мне скорей про какие-нибудь замечательные несчастные случаи!

Дипломатка. Можно выкопать яму, сверху замаскировать, а на дне установить острые ножи. Человек случайно зазева-ется...

Барон. И раз!

Дипломатка. А если кто-то случайно окажется в том самом месте, где ему на голову упадет кирпич...

Барон (*восторженно*). То, значит, он сам во всем и виноват!

Дипломатка. А самое лучшее — надеть на него венок из лавро-вых листьев. Наденет он его, а венок, как петля на шее, начнет медленно-медленно затягиваться.

Барон. Так медленно меня не устраивает.

Дипломатка. В таком деле никогда не надо торопиться. У мертвых рабов есть один недостаток — они не чувствуют боли.

Барон (*вздыхает*). Такой красивый шарик...

Дипломатка. Сегодня же. Как только сядет солнце и наступит темнота. Один из несчастных случаев... Понимаете?

Барон (*капризно*). В темноте шарик не светится.

Дипломатка. Но ведь завтра снова взойдет солнце.

Барон (*жестко*). Составьте на завтра список тех, кто больше всех мечтал о свободе.

Дипломатка. Они все мечтали о свободе.

Барон. Тогда тех, кто распевал о ней свои песни.

Дипломатка. Они все пели.

Барон. За что же мне их казнить?

Дипломатка. А ни за что. Ведь то, что было, можно иногда прощать, но никогда не надо прощать того, что будет.

Барон. Значит, я могу любого из них казнить только за то, что, может быть, будет?

Дипломатка. Нет. Не любого. Лишь одного из трех. И пусть каждые трое выбирают этого одного. Тогда все они будут ненавидеть друг друга и боготворить своего господина, за которым раз в год остается право помилования.

Барон. Но право выбора — это привилегия свободных людей.

Дипломатка. Свободен только тот, кто сам выбирает для себя жизнь или смерть. Но когда за него это делают другие — он все равно раб.

Барон. Очень умное предложение. Очень!.. Идем, я награжу тебя за это каким-нибудь орденом.

Барон и Дипломатка уходят. Парень выскакивает из шатра.

Парень. Эй, цыгане! Хватит бока пролеживать.

Все неохотно выходят из своих шатров.

Мы придумали потрясающе смешной номер!

Мать. Как-то невесело на душе, когда знаешь, что впереди у тебя рабство и нищета.

Парень (*заводит цыган*). А Барону, что ли, весело? Богат Барон, слов нет, богат... Да, видно, есть на свете кое-что и поважнее богатства.

Девушка (*подыгрывает ему*). Конечно, есть!

Парень (*Матери*). На что бы ты променяла богатство?

Мать. На здоровье. Было бы у меня здоровье...

Парень (*Старику*). А ты бы на что променял здоровье?

Старик. На молодость, мой дружок, на молодость.

Парень (*Девушке*). А на что бы ты променяла свою молодость?

Девушка. На то же, на что меняют все, — на любовь.

Парень. И ты права! Что может быть на свете прекраснее любви?

Девушка. Только песня!

Парень. А на что бы ты могла променять песню?

Девушка. Только на любовь.

Парень. А любовь — снова на песню?

Девушка. Да!

Парень. На песню! На песню, цыгане! Жизнь меняем на песню!

Цыгане, уже заведенные на неудержимую пляску, дружно ударяют в бубны и по струнам гитар и скрипок. На балконе появляются Барон и Дипломатка.

Мы хотим сделать еще одну веселую попытку.

Дипломатка. Но только одну... И к тому же последнюю.
Солнце уже пошло на закат.

Мальчишка (*кричит*). Сегодня или никогда!

Дипломатка. Надеюсь, что никогда.

Мальчишка. А я надеюсь, что именно сегодня.

Тихонько входит Королева Облаков и становится в сторонке. Парень и Девушка под песню и пляску цыган показывают свой коронный номер: он стоит на голове и играет на гитаре, а она держит в одной руке скрипку, а другой рукой одновременно двигает его ногой и смычком. Королева Облаков заливается от смеха. Даже Трехглазый на стене вдруг захохотал, но тут же испуганно зажал себе рот ладонью.

Барон (*возмущенно*). Человеку даны ноги для того, чтобы он не стоял на голове! Это не смешно! Совсем не смешно!

Дипломатка и Барон уходят.

Мальчишка (*подходит к Королеве Облаков*). Ты не боишься, что они заметят тебя?

Королева. Что может увидеть тот, кому не дано зрение?

Мальчишка. Интересно, кто же раздает или отнимает это зрение?

Королева. Тот, кто хочет или не хочет, чтобы его увидели.

Мальчишка. Я иногда тебя с трудом понимаю, словно ты говоришь на непонятном мне языке.

Королева. Ты тоже говоришь на непонятном мне языке. И если мне удастся его понять!..

Мальчишка. То что?

Королева. Тогда... может быть... Может быть!..

Мальчишка. Что может быть?

Королева. Не знаю... Я не уверена в этом... Даже самым великим волшебникам не удавалось повторять свои чудеса больше трех раз.

Мальчишка. А все три раза уже были?

Королева. Нет. Только два.

Мальчишка. Тогда чего же ты жмешься?

Королева. Не хочу рисковать зря последней возможностью.

Мальчишка (*махнул рукой*). А... С тобой разговаривать...
Лучше уж я посижу над своим блюдечком.

Девушка. Смотрите, солнце опускается все ниже и ниже.

Мать. Наше последнее солнце.
Девушка (*вбегает в белый круг*). Мое сердце разорвется сейчас от тоски!

Парень (*становится рядом с ней*). И мое!

Мать. И мое!

Старик. И мое!

И они запевают печальную-печальную песню... На балконе появляются Барон и Дипломатка.

Трехглазый. Прикажете им всыпать?

Барон. Не стоит себя утруждать. С ними и так все кончено.
По-моему, до захода солнца осталось не больше чем двадцать минут.

Трехглазый. Пятнадцать!

Дипломатка. Десять!

Барон. А не пора ли нам уже начать наш победный ужин?

Дипломатка. Пора!

Барон. И пусть нам подадут бокалы с водой из моей бочки.

Дипломатка и Барон уходят.

Старик. Смотрите, последний луч солнца. Попрощайтесь с ним, цыгане.

Мать. Прощай, последний луч надежды.

Цыгане склоняются в печальном поклоне. Но в этот момент Мальчишка выхватил из тряпки свой шарик, поднял его высоко над головой, и шарик засиял так ослепительно, что все даже невольно зажмурились от неожиданности.

Мальчишка. Я поймал последний луч солнца, и теперь он всегда будет светить нам из моего шарика!

Барон (*выбегает на балкон*). Что такое?.. Почему?.. Солнце уже село, а вокруг даже светлее, чем днем?

Дипломатка (*появляется на стене*). Опять этот шарик? Он становится слишком опасным!

Барон. Отнять! Немедленно отнять!

Трехглазый и Дипломатка хватают хлысты и через балкон спускаются на площадь. Но цыгане становятся перед Мальчишкой, который прижался к стене. Охранники начинают бить цыган. Они вскрикивают от боли, но стоят, взявшись за руки. И в этот момент между ними и охранниками пробегают Королева Облаков.

Дипломатка. Эй, Трехглазый, ты что-нибудь видишь? Трехглазый. Ничего...

Дипломатка. Откуда взялся этот туман?

Трехглазый. А пес его знает!

Они бродят по площади с растопыренными руками.

Барон. Куда вы делись? Я вас совсем не вижу. А-а-у-у-у!

Дипломатка. Здесь стена. Эй, Трехглазый, иди на мой голос. А-у-у!

Трехглазый (*добрался до стены*). Нашел.

Дипломатка. Держись за стену, а то упадешь.

Охранники стоят лицом к стене, а Королева Облаков делает рукой как бы жест приглашения, и на площадь вереницей вливаются очень симпатичные облака.

Парень (*поражен*). Что это?

Королева. Это мои дети, мои друзья и мои верные подданные.

Мальчишка. Тогда выходит, что ты — Королева Облаков?

Королева (*улыбается*). Я знала, что ты когда-нибудь об этом все-таки догадаешься... Мои облака в вашем распоряжении, но должна вас сразу предупредить, что они разнесут вас в разные страны, далеко-далеко друг от друга. Вы нигде не будете чужими, но зато и нигде не будете своими. Вы будете как облака: принадлежать всем, но зато не принадлежать

никому. Это очень трудно — принадлежать всем. Тот, кто принадлежит всем, похож на путника, взбирающегося на скалу одиночества. И будете вы ценить веселье дороже золота и брильянтов, потому что час веселья хотя бы на этот час заглушает тоску одиночества... Вас будут называть по-разному: артисты, цыгане, менестрели, скоморохи, барды... Вы будете жить везде, и вашей родиной будет песня, и танец, и улыбка того народа, который приютит вас в своем доме... Если вы согласны — тогда залезайте на мои облака... В вашем распоряжении две минуты. Через две минуты этот туман рассеется. Возьмите с собой только то, без чего вы не согласились бы улететь.

Цыгане расходятся по шаграм. Только Мальчишка продолжает держать в поднятой руке свое единственное имущество — сверкающий шарик.

Когда я узнала о том, что ты делаешь облака для больной матери, мне очень захотелось вам помочь.

Мальчишка. Почему же ты не помогла нам сразу?

Королева. Я приглядывалась. Я хотела понять, достойны ли вы свободы.

Мальчишка (*горделиво*). Ну и как?

Королева. Ты достоин.

Мальчишка (*поражен*). Один я?

Королева. Если хотя бы один человек достоин ее, то, значит, и все его племя тоже достойно свободы.

Мальчишка. Я знал, что справедливость когда-нибудь обязательно восторжествует!

Королева. Но не раньше, чем восторжествует любовь.

Мальчишка. И добро, как в старинной сказке, все-таки одержало победу над злом!

Королева. Боюсь, что это не совсем так, мой мальчик... Просто любовь оказалась терпеливей, чем ненависть.

Мальчишка (*расстроено*). Ты опять говоришь на непонятном мне языке.

Королева (*смеется*). Ничего. Когда-нибудь и ты научишься его

понимать... Скорее, друзья, скорее! Туман может рассеяться в любую секунду.

Цыгане выбегают из шатров и рассаживаются по облакам.

Старик (Королеве). Мы больше никогда не увидимся друг с другом?

Королева. Впереди много веков. Кто может знать, что будет впереди...

Старик. Тогда, на всякий случай, прощайте, цыгане!

Цыгане прощаются друг с другом и медленно уплывают из этого страшного замка на роскошных королевских облаках. Туман рассеивается. Дипломатка и Трехглазый бросаются, пытаясь ухватить последнее облако, но оно ускользает у них из рук.

Барон. Где они?

Трехглазый (показывает вверх). Там... Они улетели на облаках! (Кричит вслед цыганам.) За попытку к побегу — смерть!..

Дипломатка. Скорее в бочку — и за ними! Догоните их! Убейте их всех!

Барон. А знаете ли вы, что бывало с теми, кто вступал в сражение с облаками?.. Я в своей жизни наделал много глупостей, но это еще не значит, что я дурак. Нет уж! На мой век рабов хватит. Я вас больше не задерживаю, господа.

Дипломатка (бросается на Трехглазого). Это ты виноват в том, что я потеряла работу.

Трехглазый срывает с Дипломатки парик, и под ним оказывается лысая голова. Продолжая драться, они убегают вправо, являя собой такое смешное зрелище, что даже Барон захохотал и схватился рукой за сердце.

Барон (испуганно). Неужели я так и умру, не узнав тайну бессмертия?.. (Хнычет.) Все бросили меня... Забыли... Забыли?.. Но если можно забыть боль, если можно забыть страх, если рабы могут забыть своего господина, если все на

свете можно забыть, — значит, никакого бессмертия нет! Никогда! Ни для кого! И ни для чего! Выходит, все напрасно? Рабы? Золото? Власть? (Кричит.) Нет! Я не хочу! Голова! Опять в голове гвоздь! (Убегает с балкона.)

А через площадь, чрезвычайно довольный самим собой, идет Мальчишка. В одной руке у него сверкающий шарик, а другой он тянет вереницу облаков с цыганами, которые давно и капитально на них устроились со своими гитарами, скрипками, бубнами, седлами и аккуратно свернутыми шатрами. На ком-то из них уже сомбреро, на ком-то — шапка-ушанка, на ком-то — тюрбан или тирольская шляпа с пером... А впереди у них снова дальняя дорога, и нечаянная радость, и закономерные неприятности, и треновый валет, и червоная дама, и опять дальняя дорога...

Ох, дорога!..

Эх, дорога!..

А что дорога?

Ну и пусть дорога!..

Быть может, для цыгана и нет ничего на свете прекраснее дальней дороги. Здесь, под скрип колес, рождаются его песни. А там, где рождается твоя песня, там и есть твоя родина.

Счастливой вам дороги, цыгане! Счастливой дороги!

Занавес